О.Н.Астафьева,
доктор философских наук, профессор

ДОСУГОВЫЕ ФОРМЫ В «ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД» РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Следуя принятой логике осмысления динамики культурных процессов, мы должны были начать статью с обращения к истории России и выявления в ней аналогичного по происходящим изменениям периода. Но для этого необходимо определить «параметры совпадения» и «критерии схожести». В качестве таковых могли бы выступить социокультурные трансформации и связанные с ними изменения социальных функций искусства, значения художественной интеллигенции в процессах реформирования общества, уровня образования и культуры населения страны. Для этого в материалах проведенного социологического исследования содержится много полезной информации[1].

Можно было бы выбрать и одну из двух противоположных точек зрения на состояние современной культуры. Согласно первой, нынешний период – это период упадка и кризиса духовности, усиление тенденций унификации и стандартизации, насаждение образцов массовой культуры и отказа от «собственных корней». Позиции второй группы исследователей, казалось бы, также имеют реальные основания: происходящие социокультурные изменения немыслимы без конфликтов и кризисных проявлений, но в целом позитивны.

Мы же предлагаем оттолкнуться от другой парадигмы — парадигмы «особости» рассматриваемого периода, суть которого в «переходе» к новому типу культуры — культуре информационного общества. Ее пространственно-временные параметры распространения неодинаковы и связаны с усилением неустойчивости и нестабильности, усложнением принципов взаимозависимости интегративных и дифференцирующих процессов в культуре. Подобные состояния человеческие сообщества, согласно К.Ясперсу, переживали, как минимум,

[1] В статье использованы результаты социологического исследования «Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования» (руководитель — д-р филос. наук, профессор В.Э.Бойков), проведенного Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ с 3 по 10 декабря 2004 г. в 25 субъектах Российской Федерации.

четыре раза и были связаны с технологическими открытиями, такими как «укрощение» огня, изобретение печатного станка и т.д. Наибольшие потрясения современные исследователи усматривают в период перехода от средневековой к особому типу культуры — «персоналистской» (М.Каган).

Характерные черты современной «переходности» не очень выразительны, но в проступающих контурах уже возможно выявление общей направленности происходящих трансформаций. Пока они выступают лишь сложным контекстом всех социокультурных изменений, начавшихся в России в 90-е гг. XX в. и продолжающихся до настоящего времени, но, пожалуй, даже самый консервативно настроенный эксперт не может не признать, что речь идет о кардинальных изменениях ценностно-смысловых основ культуры, формировании нового типа мышления и новой картины мира.

В этой сетке «усложненной переходности» как никогда сильны процессы стихийной самоорганизации, поэтому динамика новаций в культуре не успевает «оседать» в традиционный пласт, а общество утрачивает состояние «динамического равновесия». Не получая дополнительных «сигналов» от системы управления, находящейся в процессе затянувшего поиска, институты культуры подменяются квазиформами. Более всего ими насыщается сфера повседневной культуры, так как на уровне специализированной культуры продолжаются (иногда по инерции) регулятивные управленческие воздействия — реформирование системы образования и науки, совершенствование правовой и политической системы и т.д

Однако значительная часть культуры — повседневная — находится «вне зоны досягаемости» системы государственного управления. В частности, досуг как пространство реализации части культурных потребностей населения страны (информационных, коммуникативных, художественных, эстетических, гедонистических, рекреационных и др.) почти полностью исключен из сферы общественных интересов и приоритетов. Казалось бы, с одной стороны, это не противоречит идеологии рынка. Но, с другой стороны, в силу неразвитости рыночных механизмов государственная система управления не способствует формированию новых форм досуга, отвечающих все более дифференцирующимся культурным потребностям, что приводит к утрате смыслов культуры.

Одновременно не соответствует концепции социально ориентированной рыночной экономики и декларируемым приоритетам и государственная поддержка сферы образования, науки, культуры. При формирующемся в обществе понимании ограниченных возможностей государства досуг рассматривается преимущественно с точки зрения утилитарности и экономической целесообразности, в то вре-

мя как обособление социальных слоев, конфликтность их ценностных систем — это не только шаги к обострению противоречий, но и основания для состязательности, поиска инновационных стратегий в культуре, способных удовлетворить широкий спектр культурных потребностей всех слоев общества в организации свободного времени. Однако сегодня в едином социокультурном пространстве сосуществуют чрезмерная дифференциация, приводящая к ослаблению интегративного фактора культуры, и все упования на возможности массовой культуры, бесспорно обладающей интегративным потенциалом, чрезмерно преувеличены. Конечно, в переходные периоды массовые формы досуга и зрелища приобретают большее значение (иногда даже большее, чем сама жизнь), а сфера художественно-эстетических развлечений беспредельно расширяется в своем единообразии.

Отношение к досугу всегда выступало показателем отношения к человеку: еще в Древней Греции досуг рассматривался в качестве основного смысла человеческого существования. Правда, следует уточнить: в содержание понятия «досуг» включались образование, размышление, самовыражение, самореализация и самосовершенствование. Досуг выступал самостоятельным видом человеческой деятельности, не менее значимым, чем производство материальных благ. Со сменой социокультурных парадигм, когда труд был провозглашен основополагающей ценностью человеческой жизни, за досуговой деятельностью закрепляется рекреационная функция, и он рассматривается как необходимое условие для повышения эффективного производства.

История досуга — это история взаимодействия цивилизационных и культурных начал в социальном развитии; это история смены приоритетов, которые провозглашаются в обществе в качестве стратегических целей. Так, в период расцвета цивилизации в материально ориентированном обществе человек вынужден все свое время тратить на утилитарную деятельность и «ему катастрофически не хватает досуга, времени для реализации вытесненного из серьезной деятельности игрового потенциала. В этом случае происходит отчуждение человека от своей личности и деятельности»[1]. Когда же в обществе высвобождаются силы культуры, досуговому поведению человека, свободному от внешних обстоятельств (социальных обязанностей и бытовых проблем), уделяется серьезное внимание: в обществе формируется досуговая ниша как неинституционализированных форм, так и организационно оформленных видов. Человек получает воз-

[1] *Хренов Н.А.* Мифология досуга. М., 1998. С. 422.

можность выбора способов и форм проведения свободного времени в зависимости от его духовных, эстетических, эмоциональных и иных потребностей, интересов и желаний, от уровня его культурной компетентности.

Но между двумя парадигмами, естественно, существуют фазы «переходности», когда социокультурные изменения не поддаются однозначной оценке как созидательные или как разрушительные, но которые при этом определяют логику развития. Повторим, особый ракурс в понимании изменений в культуре связан с представлением ее как важного компонента повседневного опыта. По мере перехода от «общества дефицита», где экономическая необходимость определяет довольно узкие рамки поведения человека, к миру, в котором человеческий фактор играет все более заметную роль по сравнению с внешней средой, открывается расширенный спектр возможностей для индивидуального выбора[1]. Он зависит от того, насколько структуры повседневной жизни вовлечены в формирование значимости жизненного мира людей, их идеалов и идентичности.

Серьезный анализ полученных результатов социологического опроса мог бы выявить логику будущего развития отечественной культуры. Мы же ограничимся только одним — выше обозначенным досуговым аспектом и, не пытаясь дать полноценный ответ на вопрос: «Насколько современный период “усложненной переходности” способствует развитию духовной культуры человека?», обозначим некоторые факторы, влияющие на усиление тенденции дифференциации форм досуга у наших современников.

В последние годы появилось много публикаций, авторы которых заостряют внимание на разрастании в России «компьютерной безграмотности» и «цифрового неравенства». Как показало исследование, этот фактор связан с тенденциями «визуализации» и «виртуализации» общества и культуры, оказывает влияние и на ее духовную составляющую.

В частности, среди критериев идентификации современного поколения усилилось значение критерия включенности в ту или иную информационно-коммуникативную систему, степень адаптации и освоения новых, еще широко не функционирующих в обществе технологий передачи знаний и опыта. Для России наступившего века вопрос о грамотности населения, который по-прежнему выступает дифференцирующим фактором (делит мир на тех, кто умеет и не уме-

[1] См.: *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 269.

ет читать и писать), в значительной степени потерял свою остроту. Прошла жизнь уже нескольких поколений, прежде чем неграмотное население России сократилось до 0,5% от общего числа россиян, и по итогам переписи населения 2002 г. зафиксирован рост образовательного уровня населения: 109, 4 млн человек имеют основное общее, среднее и высшее профессиональное образование, что на 20% больше по сравнению с 1989 г.[1]

Полученные данные, однако, не являются однозначно позитивными: сегодня уже недостаточно обладать традиционно понимаемой грамотностью, постигаемой через систему образования. Чтобы закрепиться в определенной стратификационной нише или достичь высокого социального статуса, необходимо быть включенным в современную систему коммуникации. Компьютерная грамотность проводит четкую демаркационную линию не только между отдельными людьми, но и между целыми сообществами и между культурами.

«Информационные технологии делают все более легким распространение информации через национальные границы, а средства быстрой связи — телевидение, радио, факс и электронная почта — размывают границы устойчивого существовавших в течение долгого времени культурных сообществ», — подчеркивает Ф.Фукуяма в книге «Великий разрыв», развивая идею «слома эпох» и «столкновения цивилизаций»[2].

Насколько он прав, когда говорит, что переход от индустриальной эры к информационной стал периодом обострения негативных социальных тенденций, привел к деградации социальных связей и общих ценностей? Всегда ли преодоление этого «великого разрыва» в социальной организации, образовавшегося вследствие технологического прогресса, поиски нового социокультурного порядка одновременно выступали в истории как периоды освобождения индивида от ненужных, стесняющих его социальных связей и ограничений?

Признаками нового информационного общества считаются отсутствие жестко выраженной иерархической соподчиненности элементов социальной системы, широкое развитие горизонтальных связей и размытые социокультурные структуры.

Несмотря на трудности, связанные с социально-экономическими преобразованиями в России, теле- и видеотехника, компьютеры, другие технические средства вошли во все сферы жизнедеятельности на-

---

[1] Здесь и далее см.: Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003. С. 17 — 19, 25.

[2] *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / Пер. с англ. М., 2004. С. 12.

селения и функционируют на всех уровнях культуры. Сказанное в большей степени относится к городскому населению, составляющему сегодня уже 73,3% от общего числа граждан, сталкивающемуся с новыми информационными технологиями не только на специализированном уровне культуры (в профессиональной сфере, в системе образования), но и включающих времяпрепровождение у компьютера в сферу досуга.

Среди людей, имеющих высшее образование, таковых уже 19,1%, что превышает показатели посещения зрелищных мероприятий (17,3%), хотя значительно уступает чтению книг, журналов и газет (55,0%) и просмотру телевизора и видеофильмов (54,7%). По мере снижения образовательной планки соотношение между показателями все более изменяется: у людей со средним специальным образованием оно составляет уже 10,1%, 11,2 , 43,5 и 62,0% соответственно. Еще год назад число людей, использующих компьютер в рабочее и свободное время, составляло 16,2% от общего числа опрошенных, использующих только в свободное время — 10,2%[1].

Несмотря на то, что число отдающих предпочтение просмотру телепередач и видеофильмов у малообразованного населения доходит до 74,1%, а посещающих зрелищные мероприятия снижается до 2,0%, проведение времени за компьютером относят к наиболее типичной форме отдыха в повседневной жизни 3,4% респондентов, а 3,7% считают это своим любимым занятием.

В России сегодня уже 14,6 млн человек являются пользователями Интернета, поэтому полученные в исследовании результаты, на наш взгляд, не совсем точно отражают реальную ситуацию. Напомним, что в социологическом опросе не принимали участие дети и подростки, и именно это несколько исказило показатели компьютерной грамотности. Они должны быть значительно выше, так как новая техника и типы информационно-коммуникативных технологий, согласно другим опросам, в досуге городских детей и подростков занимают значительно большее место. Особенно это относится к жителям больших городов.

В частности, в Москве Интернетом (в зависимости от частоты обращения) пользуются от 13,2 до 20,7% респондентов[2]. Об этом

---

[1] Результаты социологического опроса «Социальная справедливость в массовом сознании российского общества», проведенного Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ с 25 ноября по 3 декабря 2003 г., см: Социальная справедливость в массовой сознании российского общества // Социология власти. 2004. № 2. С. 48.

[2] См.: *Иванов В.Н., Сергеев В.К., Худяков С.И.* Москва и москвичи: актуальные проблемы социально-культурной сферы. М., 2003. С. 133.

косвенно может свидетельствовать тот факт, что 62,2% респондентов выдвинули в качестве главных причин, по которым население страны перестало быть самой читающей в мире аудиторией и произошло общее падение интереса к книге, появление Интернета и формирование поколения, воспитанного на комиксах и видеофильмах (43,9%) .

Наряду с другими факторами включенность в новые формы культуры выступает показателем перехода к информационному обществу — обществу знаний; его становление во многом связывается с развитием интерактивных информационно-коммуникативных сред, трансформирующих внутреннюю ткань культуры — ее духовно-ментальные коды и языки. Тотальная технологизация бытия человека, виртуализация социокультурного пространства изменяет каналы передачи социокультурного опыта, возможности адаптации человека к новым условиям, перспективы творческой самореализации. За явными достижениями не менее заметны и последствия столь быстрого включения огромного массива технических средств в жизнь человека, качественное изменение социокультурной реальности.

Видео, компьютеры, цифровое телевидение, массмедиа, электронные сети образуют виртуальные пространства, в которых человек черпает новые информационные ресурсы, узнает себя и окружающих. С одной стороны, это открывает широкие перспективы развития человека, осознающего множественность реальностей и свою включенность в них. С другой стороны, компьютерное виртуальное пространство, в зависимости от контекста и цели порождения, может выступать как информационно-коммуникативная и как художественно-эстетическая среда, игровая ситуация, перспективная образовательная или медицинская технология и, наконец, как квазисоциум — особый тип социокультурного пространства, своего рода бытийный модус «виртуальной личности».

Переход к новым пространствам (виртуальным по своей сути — компьютерным, массмедийным) на уровне повседневности проявляется в закреплении тенденции к «одомашниванию» досуга. Об этом можно судить не только по приверженности людей среднего и старшего возраста к пассивным формам досуговой деятельности — чтению, просмотру телевизионных передач и видеофильмов, прослушиванию аудиозаписей и т.д., но и по тенденции трансформации образа жизни, снижении интенсивности по всем видам деятельности (в том числе семейным, индивидуальным домашним занятиям и т.д.). Только люди не старше 30 лет (их около 30%) стараются проводить свое свободное время вне дома (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о месте проведения свободного времени

(Сумма ответов не равна 100 %, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.)

Место проведения свободного времени	Группы возрастов						
	18—24 года	25—29 лет	30—39 лет	40—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше	Всего
У себя дома	71,2	82,6	85,4	82,2	86,0	89,8	83,0
На даче	9,5	17,8	24,2	34,2	40,9	36,5	28,3
В гостях у друзей, знакомых	58,7	55,2	45,3	33,2	25,5	21,5	38,6
По месту работы или учебы	13,4	7,9	9,3	9,7	6,6	2,5	8,4
В учреждении культуры (в клубе, кинотеатре, театре, музеях и т.д.)	34,9	24,5	18,3	13,2	10,0	8,3	17,3
В другом месте	8,1	5,0	5,9	6,8	5,9	8,6	6,7

Наиболее показательна динамика посещения зрелищных учреждений, прежде всего кинотеатров. Сравнение полученных ранее показателей по этой форме проведения досуга показывает, что растет число тех, кто вообще не ходит в кинотеатры. Если в 1990 г. среди пожилых людей таковых было 62,0%[1], то в 2004 г. их число возросло и достигло 87,3%. Однако при сохранении общей тенденции «одомашнивания досуга» повысился интерес к кинематографу, прежде всего со стороны молодежи и людей среднего возраста. Даже посещение кинотеатра «несколько раз в год» (в нашей анкете «от случая к случаю») демонстрирует позитивные изменения (см. табл. 2).

Таблица 2

Частота посещения кинотеатров

(в % от общего числа опрашиваемых в соответствующие годы)

Вариант ответа	1990 г.	1994 г.	1998 г.	2002 г.
Не реже раза в неделю	11	3	1	3
Не реже раза в месяц	21	8	3	4
Несколько раз в год	41	28	14	13
Практически никогда	27	61	82	79

[1] По данному показателю приводятся результаты социологического опроса, опубликованные в работе: *Зоркая Н.* Чтение в контексте массовых коммуникаций // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 2 (64). С. 68.

Современный этап социокультурного развития многими исследователями, как правило, характеризуется как преодоление духовного кризиса, отмечается дифференциация и индивидуализация культурных потребностей и интересов. С одной стороны, это действительно так: вместо традиционных массовых форм досуга, развивавшихся в России в течение длительного периода, намечается дифференциация досуговых форм за счет снятия идеологических запретов, экономических ограничителей, возможностей организации форм индивидуального досуга. С другой стороны, произошла дифференциация возможностей удовлетворения культурных потребностей. Население разделилось на тех, кому доступна только массовая культуры, и тех, кто может выбирать из всей палитры культурного наследия современности и прошлых эпох. Ценности высокой культуры, создающиеся особым профессионально подготовленным меньшинством и во многом определяющие облик духовной культуры общества, стали менее доступными для большинства.

Каковы причины, которые влияют на изменение размеров потенциальной аудитории художественной культуры, состоящей из тех, кто хотел бы стать читателем, зрителем, слушателям, но не может реализовать свои культурные потребности?

К таким причинам можно отнести снижение общего числа учреждений культуры и искусства в России, которое произошло за период рыночных преобразований; изменение уровня и качества работы учреждений культуры и другие. Так, на неразвитость сети учреждений культуры или их плохую работу указывают в совокупности 21,4% респондентов. Но речь, вероятно, идет, прежде всего, о слабости организационно-экономических форм, принципах функционирования художественной культуры в современном обществе, потому что ответы на вопрос: «Как Вы лично относитесь к следующим группам деятелей (работников) сферы культуры?», распределились следующим образом: положительно к писателям, поэтам, художникам, музыкантам в обществе относятся 66,8% респондентов; к актерам театра, кино — 70,2%; работникам музеев, домов культуры, библиотек — 65,9% респондентов. Соответственно, по двум первым категориям отрицательное отношение сформировано только у 1,7% респондентов и у 1,3% по отношению к третьей из выделенных категорий.

Однако если публика не ходит в театр, то, может быть, и потому, что современные мастера не всегда могут удовлетворить ее запросы и интересы? Для кого же сегодня создают свои произведения художники? Что они дают современному потребителю? Можно ли рассматривать низкий уровень художественных произведений, их несоответствие уровню культурной компетенции, художественно-эстетических

ожиданий потребителя культурных услуг в качестве причин низкой посещаемости учреждений культуры и искусства?

Если не так давно на любое произведение искусства, будь то шедевр или обычная поделка (причем независимо от желания самого художника), возлагалась особая миссия — оно рассматривалось как произведение, обладающее мощнейшей идейно-воспитательной силой и художественно-эстетической значимостью, ибо проходило через серьезные «фильтры» закупочных комиссий, художественных советов и разного рода комиссий и т.д., то сегодня в процессы эстетического саморазвития искусства вмешиваются рыночные механизмы. Идеологическая цензура заменена принципом экономического детерминизма. Художник попадает в двойную зависимость — от социального заказа и от рыночного предложения. Зачастую последним определяются формы соответствия или не соответствия коммерческому успеху, который приравнивается к культурным потребностям публики. Неужели ориентация на широкую публику (рынок как новая форма «социального заказа», где бывшая идеологическая составляющая заменена экономической выгодой), не отвечающая его внутренним побуждениям, доминирует в современной обществе?

В итоге, как и прежде, верхнюю планку художественных интересов в основном занимают жанры массовой культуры. По данным 1970 г., советский зритель отдавал предпочтение отечественным кинокомедиям и приключенческим фильмам (76 млн 721 тыс. человеко-посещений «Бриллиантовой руки», 65 млн 019 тыс. посмотрели «Белое солнце пустыни»), индийским мелодрамам (45 млн 511 тыс. — «Сын прокурора»), отечественным и зарубежным приключенческим фильмам[1]. Кардинально не изменились и литературные пристрастия: среди литературных жанров у людей, имеющих высшее и среднее образование, лидируют, наряду с русской и зарубежной классикой, классические зарубежные детективы, «женские» детективы, российские боевики[2]. Снижение уровня культурных потребностей и безразличное отношение к жанрам серьезного искусства отмечалось в исследованиях 1980-х гг., когда указывалось, что многие россияне лишены возможности общаться с искусством[3]. Критерии художественного вкуса вырабатываются у них стихийно, на уровне обыденной культуры и в основном через систему средств массовой коммуникации, и, к сожалению, не всегда соответствуют планке высокой духовной культуры.

---

[1] См.: Художественная жизнь современного общества. Т. 2: Аудитория искусства в России: вчера и сегодня. СПб., 1997. С. 89.

[2] См.: *Зоркая Н.* Чтение в контексте массовых коммуникаций. С. 67.

[3] См.: Художественная жизнь современного общества. Т. 2. С. 166, 169.

Постепенное снижение критериев художественного вкуса привело к тому, что уже 46,9% молодых респондентов в возрасте до 25 лет либо вообще не видят ничего плохого в показах в кинофильмах насилия, эротики, «романтики» преступного мира, либо безразличны к таким сценам. Правда, в большей степени это относится к молодому поколению, так как по мере повышения возрастных данных, оценки меняются: свыше 90% респондентов старше 50 лет отрицательно относятся к показу подобных «шедевров».

«Художник и рынок» — самостоятельная тема для исследований, однако ориентация современных мастеров на запросы аудитории, имеющей низкий уровень культурной компетенции и, соответственно, культурных интересов, может иметь непоправимые последствия для духовной культуры России, в том числе и для отечественной массовой культуры. Она, на наш взгляд, имеет некоторые отличительные черты от массовой культуры «западного типа». В этом смысле права Э.А.Орлова, полагающая, что для художника недопустимо учитывать запросы только одной категории публики, тем более с низким уровнем компетенции. «В этом случае из оборота изымается тот общезначимый фонд знаний и представлений, те языки культуры, которые обеспечивают членам общества гарантированный уровень компетентности, необходимый для ориентации в сложной современной реальности …массовая культура не может ограничиваться лишь популярными компонентами, но с необходимостью должна детерминироваться элитарными элементами»[1].

Однако в российской культурной среде все больше расходятся, часто не совпадают по своим характеристикам элитная культура и ее доступность, престижность и профессиональная публика.

Увеличение доли тех, кто хотел бы приобщиться к культуре, но не имеет для этого реальной возможности, связано и с другой причиной — сохранением низкого платежеспособного спроса населения. Это выступает серьезным препятствием для повышения духовной культуры населения России. Сегодня 30% потенциальных читателей хорошая книга не по карману; для 27,1% респондентов круг культурных благ очень ограничен. На отсутствие средств, которые можно было бы потратить на посещение театров, покупку книг, дисков и т.д., указывает 67% респондентов. Этот фактор, хотя и в меньшей степени, чем 5 — 10 лет назад, но все же выступает серьезной причиной снижения уровня духовной культуры населения.

На оплату разных видов услуг (в том числе культурных) среднестатистический житель России тратил в 2003 г. всего 16,0% от общего

[1] См.: *Орлова Э.А.* Социокультурное пространство массовой культуры // Обсерватория культуры. 2004. № 3. С. 9.

объема своих денежных доходов (55,4% — на покупку товаров). Ненамного изменился этот показатель по итогам I полугодия 2004 г. — 16,8% (54,5% — на покупку товаров). При этом в I полугодии 2004 г. объем денежных доходов населения составил 4823,6 млрд рублей и увеличился на 21,5% по сравнению в соответствующим периодом 2003 г. Правда, на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 30% общего числа денежных доходов (в I полугодии 2003 г. — 29,7%), а на долю 10% наименее обеспеченного населения — 2% (2%)[1]. Поэтому 42,1% населения страны считает недостаточными возможности посещать театры, концерты, выставки и другие учреждения культуры.

Включение культуры в систему рыночных отношений и резкое сокращение бюджетных ассигнований на ее развитие сказалось не только на состоянии сферы, но и на экономическом положении ее работников. Участие бизнеса в благотворительной деятельности, в появлении коммерческих проектов незначительно. В структуре финансирования учреждений культуры и искусства по-прежнему важнейшим источником развития некоммерческих учреждений культуры остаются бюджетные средства. Даже формируемый в России третий независимый сектор (например, Центр имени В.Э.Мейерхольда) не может существовать без дополнительных внешних источников финансирования (и бюджетных, и частных). Если же таковые поступления минимальны, то вся тяжесть финансово-экономических затрат перекладывается на плечи потребителя. В итоге — резкое повышение цен на билеты и, соответственно, снижение количества посетителей. В то время как в России отмечается появление новых культурных практик, стилей жизни, разнообразных субкультур, развитие новых форм досуга и культурного потребления, качество жизни населения остается на недопустимо низком уровне.

Конечно, это не только российская проблема. Развитие сферы культуры в период рыночных реформ всегда противоречиво. С одной стороны, расширение творческой и экономической свободы, децентрализация управления и демократические преобразования способствуют многообразию культурной деятельности. С другой стороны, при слабости правовых механизмов перенесение принципов либерализации на область художественного творчества отодвигает открывшиеся горизонты.

Теоретики и практики всего мира предлагают множество сценариев освобождения культуры из-под экономического гнета, который

[1] См.: Социально-экономическое положение России. Январь — июнь 2004 года. Вып. VI. М., 2004. С. 200 — 204.

убивает культурное разнообразие и снижает уровень культурных потребностей населения[1]. Наиболее реальны, на наш взгляд, два из известных: 1) положиться на силу и возможности самоорганизации культуры, и через какое-то время процессы социального расслоения и культурной дифференциации, усиливая процессы возрождения национальных традиций, переформируют социокультурное пространство; 2) приступить к совершенствованию регулятивных механизмов государственной культурной политики, но не путем «подстраивания» и «подлаживания» к ситуации, а посредством мягкой адаптации и корректировки с учетом мирового опыта и отечественной специфики.

В условиях, когда группы экономических интересов агрессивно перекраивают пространство отечественной культуры, второй сценарий, на наш взгляд, выглядит более перспективно.

[1] См., например: Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры: Сборник материалов. М., 2002.